

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И

Гиллиан Флинн

Острые предметы

Темные тайны

Исчезнувшая

ГИЛЛИАН
ФЛИНН

**Острые предметы
Кто-то взрослый**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф 72

Gillian Flynn
SHARP OBJECTS

Copyright © 2006 by Gillian Flynn

THE GROWNUP

Copyright © 2014 by Gillian Flynn

All rights reserved

This translation published by arrangement with Crown
Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC

Перевод с английского
Ирины Егоровой, Александры Килановой

Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. В. Егорова, перевод, 2013
© А. С. Киланова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-14109-4

Острые предметы

Роман

Моим родителям Мэтту и Джудит Флинн

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На мне был новый свитер, жгуче-красный и некрасивый. Сегодня двенадцатое мая, но на улице всего градусов десять. Четыре дня я мерзла в легкой одежде, а потом решила купить что-нибудь теплое на распродаже — не хотелось копаться в коробках с зимней одеждой. Такая в Чикаго весна.

Я сидела в своем рабочем закутке, отделанном рогожкой, и смотрела на монитор. В моей сегодняшней статье речь шла о преступной небрежности. В Саут-Сайде¹ обнаружили четверых детей, от двух до шести лет, запертых в комнате одних. Из съестного в доме — пара сэндвичей с тунцом и бутылка молока. Три дня дети носились, как перепуганные цыплята, по загаженному ковру. Мать ушла покурить травки и просто о них забыла. Вот как иногда бывает. Ни брошенного окурка, ни хруста костей. Просто ушла и не вернулась. Мне удалось увидеть ее после ареста: Тэмми Дэвис, двадцать два года, толстая блондинка, на щеках розовые круги румян, маленькие и ровные, как следы от доньшка рюмки. Я представила, как она сидит

¹ Район Чикаго, расположенный к югу и востоку от р. Чикаго. Значительная часть района — трущобы. Заселен в основном переселенцами с негритянского Юга и пуэрториканцами. — *Здесь и далее прим. перев.*

на полуразвалившемся диване, в зубах трубка, изо рта клубы дыма. Потом все поплыло, дети остались где-то далеко, и вот она снова — тринадцатилетняя школьница с блестящими губками, которая еще нравится мальчикам, ведь она самая хорошенькая в классе и, прежде чем целоваться, жует коричные палочки.

Вижу брюхо. Чувствую запах сигарет и старого кофе. Устало ковыляя в изношенных ботинках, входит редактор, всеми уважаемый Фрэнк Карри. Зубы в коричневом налете от табака.

— Как статья, детка?

У меня на столе лежит кнопка острием вверх. Он слегка надавил на нее пожелтевшим ногтем.

— Почти готова.

Написано три абзаца. А требовалось десять.

— Ладно. Плевать на нее, подшивай в папку и давай ко мне.

— Я и сейчас могу прийти.

— Плевать, подшивай и приходи.

— Отлично. Десять минут.

Мне хотелось забрать у него чертежную кнопку.

Он направился к выходу. Его галстук свисал почти до ширинки.

— Прикер?

— Да, Карри?

— Плевать на нее!

Фрэнк Карри считает меня доверчивой дурочкой. Может, потому, что я женщина. А может, потому, что я и впрямь такая.

Кабинет Карри находится на третьем этаже. Держу пари, его чертовски раздражает, когда он видит из окна ствол дерева. Хорошие редакторы видят не кору, а листья — если

они вообще могут разглядеть деревья с двадцатого-тридцатого этажа. Но для «Дейли пост», четвертой по значимости газеты Чикаго, которую перевели в пригород, такого простора больше нет. Хватит с нас и трех этажей, безжалостно распластанных, растекшихся по земле, незаметных среди магазинов, торгующих коврами и лампами. Наш поселок построили в рекордный срок, за три года, с 1961 по 1964-й. Заказчик, корпоративный предприниматель, назвал его в честь дочери, которая за год до окончания строительства получила серьезную травму, упав с лошади. «Аврора Спрингз», — провозгласил он и сфотографировался рядом с указателем нового населенного пункта. А потом забрал свою семью и уехал. Дочь, которой теперь за пятьдесят (со здоровьем у нее порядок, иногда только в руках покалывает), живет во Флориде и раз в несколько лет приезжает сюда сфотографироваться возле указателя со своим именем, как когда-то ее отец.

Я написала статью о ее последнем приезде. Карри она не понравилась: он вообще не любит реалистические сюжеты. Читая статью, он распил бутылку выдержанного ликера «Шамбор», и потом, когда выходил из кабинета, от него пахло малиной. Карри напивается часто, но ведет себя тихо. Однако пьет он не потому, что из его окна открывается такой приятный вид. Просто для того, чтобы отвадить невзгоды.

Я вошла к нему и закрыла дверь: кабинет редактора мне представлялся совсем другим. Здесь хотелось видеть большие дубовые панели, застекленное окно в двери с табличкой «Начальник», чтобы начинающие репортеры могли полюбоваться, как мы яростно спорим о правах¹, данных нам Первой поправкой к конституции. Кабинет

¹ Речь идет о свободе прессы.

Карри безликий и казенный, как и все здание. Там хоть журналистские дебаты веди, хоть мазок гинекологу сдавай — никому дела нет.

— Расскажи мне о Уинд-Гапе.

Карри приложил шариковую ручку стержнем к подбородку. В зарослях седой щетины наверняка осталась синяя точка.

— Он находится в долине Миссури, в дальней части, на юго-востоке. Рукой подать до Теннесси и Арканзаса, — принялась докладывать я.

Карри любил натаскивать репортеров по всем темам, которые считал нужными: количество убийств, совершенных в Чикаго в прошлом году, демографические показатели округа Кук, а теперь ему зачем-то понадобилась информация о моем родном городе, хотя о нем мне говорить не хотелось.

— Уинд-Гап стал известен до Гражданской войны, — продолжала я. — Он стоит на Миссисипи, поэтому некоторое время служил портом. Теперь там основной промысел — убой скота. Жителей около двух тысяч: потомственная денежная аристократия и отбросы общества.

— А ты к кому относишься?

— К отбросам. Из потомственной денежной аристократии.

Я улыбнулась. Он нахмурился.

— И что же, черт побери, там происходит?

Я сидела молча, перебирая в уме бедствия, которые могли произойти в Уинд-Гапе. Это захолустный городишко, где вполне может что-нибудь случиться: автобусы столкнутся или ураган налетит. Рванет на силосной башне или ребенок в колодец упадет. Мне было слегка досадно. Я-то надеялась — как всегда, когда Карри вызывает

меня к себе, — что он похвалит меня за последнюю статью, даст повышение и переведет на новый участок работы, а потом сунет в руки бумажку с нацарапанным на ней приказом о повышении зарплаты на один процент. Но я не ожидала, что придется говорить с ним о Уинд-Гапе.

— У тебя же там мама, верно, Прикер?

— Да. И отчим.

А еще единоутробная сестра, которая родилась, когда я училась в университете; я до сих пор с трудом верила в ее существование и часто забывала, как ее зовут. Эмма. И еще Мэриан, которой давно нет в живых.

— Черт возьми, ты когда-нибудь с ними общаешься?

В последний раз звонила на Рождество, после трех стаканов бурбона; разговор получился холодно-вежливый. Я боялась, как бы мать не почувствовала запах виски по телефону.

— В последнее время нет.

— Господи! Прикер, читай хоть иногда телеграммы. Кажется, в августе прошлого года там было совершено убийство? Задушили маленькую девочку!

Я кивнула, как будто знала об этом. Но это была неправда. Из Уинд-Гапа я общалась, хоть и редко, только с матерью, а она мне ничего об этом не рассказывала. Странно.

— А теперь еще один ребенок пропал. Похоже, там орудует маньяк. Поезжай туда, узнай все подробности — напишешь статью. Собирайся. Завтра утром ты должна быть в Уинд-Гапе.

Ни за что.

— Карри, мы ведь пишем не триллеры.

— Да, но пишем не только мы. Есть еще три конкурирующие газеты — у них и сотрудников, и денег в два раза

больше, чем у нас. — Он провел рукой по волосам, и они обвисли безжизненными прядями. — Нас вечно опережают, и мне это надоело. Это наш шанс рассказать что-то интересное. Значительное.

Карри считает, что стоит только опубликовать «правильную» статью, как мы тут же станем самой популярной газетой в Чикаго и получим всеобщее признание. В прошлом году редакция другой газеты — не нашей — отправила корреспондента в его родной город, куда-то в Техас, где во время весеннего половодья утонули несколько подростков. Тот написал информативную, хотя и грустную статью, в которой рассказал о причинах наводнения и выразил искреннее соболезнование, упомянул баскетбольную команду, потерявшую трех лучших игроков, и посетовал на низкую квалификацию работников морга, которые не смогли привести останки ребят в надлежащий вид. Автор статьи получил Пулицеровскую премию.

Но мне все равно не хотелось туда ехать. Так отчаянно не хотелось, что я вцепилась в подлокотник кресла, как будто Карри мог вытряхнуть меня силой. Он сидел и несколько мгновений смотрел на меня глазами цвета виски. Потом откашлялся, взглянул на фотографию жены и мягко улыбнулся, словно врач, который собирается сообщить неприятную новость. Карри любил поорать — считал, что таким и должен быть редактор старой закалки, — и все-таки он один из самых порядочных людей, которых я когда-либо знала.

— Послушай, детка, не можешь — значит не можешь. Но думаю, тебе бы пошло это на пользу. Выясни, что произошло. Поезжай. Это очень интересный материал, нам он нужен. Тебе он нужен прежде всего.

Карри всегда возлагал на меня большие надежды. Он думал, что я буду его лучшим репортером, говорил, что у меня неординарное мышление. В течение двух лет работы я с удивительным постоянством не оправдывала его ожиданий. Сейчас, сидя напротив него за столом, я чувствовала, что он ждет от меня поддержки. Я кивнула, стараясь выглядеть уверенно.

— Пойду собираться.

На кресле от моих рук остались влажные следы.

Домашних питомцев у меня не было — волноваться не за кого, цветы я тоже не развожу — не нужно просить соседей их поливать. Я положила в сумку одежды на пять дней, не сомневаясь в том, что приеду из Уинд-Гапа до выходных. Когда перед выходом окинула взглядом квартиру, она предстала передо мной в истинном свете. Дешевое и неудобное временное жилье — можно подумать, студенческое. Я решила, что по возвращении куплю себе приличный диван, в награду за потрясающую статью, которую непременно напишу.

На столе у двери фотография, где я держу на руках Мэриан. Мне лет двенадцать, ей около семи. Мы смеемся, я зажмурилась, ее глаза широко открыты от удивления. Я крепко прижимаю Мэриан к себе, ее короткие худенькие ножки не достают мне до колен. Не помню, над чем мы смеялись. С годами это стало приятной тайной. Пожалуй, не хотелось бы знать ее теперь.

Я всегда принимаю ванну, душ не люблю. Терпеть не могу тонкие струйки воды, от которых у меня мурашки по телу, как от электрического разряда. Поэтому в душевой кабинке я заткнула сливную решетку тонким гости-

ничным полотенцем, повернула душ к стене и села в неглубокую лужицу, образовавшуюся на полу. Рядом плавали чьи-то лобковые волосы.

Я вышла из кабинки. Второго полотенца не было, поэтому я побежала к кровати и вытерлась дешевым рыхлым одеялом. Затем выпила стакан теплого бурбона, проклиная сломанный аппарат для льда.

Уинд-Гап в одиннадцать часов езды к югу от Чикаго. Карри любезно выписал командировочные, чтобы хватило на одну ночь в мотеле и на завтрак — если поем в закуской на бензозаправке. Но в городе я поживу у матери. Так он за меня решил. Я заранее знала, как мать меня встретит. На мгновение растеряется, всполошится, поправит волосы, неловко обнимет меня, прижав скорее к плечу, чем к груди. Извинится за беспорядок, которого нет. Вежливо поинтересуется, когда уеду.

— Ты к нам надолго, дорогая? — спросит она. Другими словами: «Когда ты уберешься отсюда?»

Ее вежливость обижает больше всего.

Пора бы подготовить несколько вопросов для интервью. Но я выпила еще бурбона, проглотила таблетку аспирина и погасила свет. Под убаюкивающее журчание кондиционера и электрическое потрескивание из соседнего номера, где кто-то играл в видеоигру, я заснула. До моего родного города оставалось тридцать миль, но в эту ночь думать о нем не хотелось.

Утром вместо завтрака я вдохнула запах несвежих пончиков с вареньем и продолжила путь к югу. Становилось все жарче. По обеим сторонам дороги стоял густой лес. Эта часть долины Миссури зловеще однообразна: едешь по узкому шоссе, а по бокам только мрачный

лес, на многие мили. Куда ни кинь взгляд — все одно и то же.

Издали Уинд-Гап не видно: самый высокий его дом — трехэтажный. Но через двадцать минут я поняла, что скоро приеду: показалась знакомая бензозаправка. Перед входом в здание сидели несколько полуголых мальчишек-подростков со скучающим видом. Рядом, возле старого пикапа, стоял малыш в подгузнике и пригоршнями бросал в воздух мелкие камешки, пока его мать заправляла бак. Ее волосы были покрашены в золотистый цвет, но отросшие темные корни доходили до самых ушей. Пока я проезжала, она что-то кричала мальчикам, слов я не разобрала. Вскоре лес начал редеть. Длинной, словно наспех намазанной полосой промелькнул торговый центр с соляриями, вслед за ним — оружейный магазин и магазин тканей. Потом — кучка старых домов, образующих тупик, — когда-то начали строить поселок и бросили. И вот наконец сам город.

Проезжая вывеску «Добро пожаловать в Уинд-Гап!», я почему-то задержала дыхание, как девочка, охваченная испугом при виде кладбища. После моего отъезда прошло восемь лет, но все здесь оставалось до боли знакомым. Если свернуть на ту дорогу, я окажусь перед домом бывшей монахини, которая учила меня играть на фортепиано в начальной школе. У нее неприятно пахло изо рта. Другая дорога ведет в маленький парк, где однажды, жарким летним днем, я выкурила первую в жизни сигарету. А вон тот бульвар ведет к Вудбери, там больница.

Я решила поехать сразу в полицейский участок. Он притулился в конце Главной улицы — так и называется главная улица Уинд-Гапа, ей-богу. На ней есть салон красоты, скобяная лавка, хозяйственный магазин (под вывес-

кой «Хозяйственный магазин») и библиотека в двенадцать стеллажей. Еще «Одежда от Кэнди», где продаются джемперы, водолазки и свитера с изображением уточек и домиков. Лучшие женщины Уинд-Гапа — в основном учительницы, домохозяйки с детьми и продавщицы таких магазинов, как «Одежда от Кэнди». Может быть, через несколько лет в городе откроют кофейню «Старбакс», и тогда у него появится стиль, которого так не хватает, — популярный, фасованный, рекомендованный специалистами. А пока тут хотя бы есть дешевая закусочная, принадлежащая одной семье, не помню фамилии.

На Главной улице было пусто — ни машин, ни людей. По тротуару бежала собака, но никто ее не звал, хозяина поблизости не было. На всех фонарных столбах — зернистые фотокопии портрета девочки, приклеенные желтым скотчем. Припарковав машину, я сорвала один листок, криво прилепленный на высоте детского роста. Объявление было написано от руки, сверху — жирными буквами, похоже, несмываемым фломастером. Заголовок: «Пропал ребенок». С фотографии смотрела темноглазая девочка с непомерно большой шевелюрой. Шкодливая улыбка, в глазах чертики. Учителя наверняка считают ее трудным ребенком. Мне она понравилась.

Натали Джейн Кин

10 лет

Ушла из дома 11 мая.

В последний раз ее видели в парке Якоб Дж. Гаретт; была одета в голубые джинсовые шорты и красную полосатую футболку.

Если вы знаете о местонахождении девочки или владеете какой-либо информацией, пожалуйста, позвоните по телефону: 555-7377.

Я надеялась в полицейском участке услышать, что Натали Джейн нашли, целой и невредимой. Может быть, она заблудилась в лесу, вывихнула ногу или сбежала из дома, а потом передумала и вернулась. Тогда я бы села в машину, уехала в Чикаго и больше ничего не стала выяснять.

Переулки были пустынные — половина жителей ушла на поиски в лес, расположенный в северной части города. Секретарь разрешила мне подождать начальника полиции Билла Викери, который скоро должен был прийти на обед. Обстановка в комнате ожидания была фальшиво-уютной, как в приемной стоматолога. Я села в оранжевое кресло и стала листать рекламный каталог. В розетке на стене шипел электрический освежитель воздуха, распространяя запах, который, по мнению производителя, должен напоминать летний бриз, но чувствовался почему-то только едкий запах нагретой пластмассы. Через полчаса я просмотрела три журнала и начала испытывать тошноту от «летнего бриза». Когда Викери наконец пришел, секретарша кивнула в мою сторону и прошептала с лютым отвращением: «Пресса!»

Викери оказался дядюшкой лет пятидесяти, худым и взмокшим. Влажная рубашка прилипла к груди, а форменные брюки сморщились — на том месте, где должен быть зад.

— Пресса? — уставился он на меня сквозь увеличительные линзы бифокальных очков. — Какая пресса?

— Господин Викери, я Камилла Прикер, корреспондент чикагской газеты «Дейли пост».

— При чем здесь Чикаго? Каким ветром вас сюда занесло?

— Я хотела бы задать вам несколько вопросов о девочках, Натали Кин и той, которая была убита в прошлом году.

— Господи, как вы только об этом узнали? Боже мой!

Он посмотрел на секретаря и перевел взгляд на меня, словно подозревая нас в сговоре. Потом жестом пригласил пройти за ним.

— Руфь, если мне будут звонить, я занят.

Секретарша удивленно вытаращила глаза.

Билл Викери провел меня по коридору, на стенах которого, обшитых деревянными панелями, в шахматном порядке были развешены дешевые рамки с фотографиями форели и лошадей, и мы вошли в кабинет — маленькую каморку без окна, уставленную досье в железных папках. Он сел и закурил. Мне сигарету не предложил.

— Мисс Паркер, я не хочу, чтобы это дело получило огласку. Не буду говорить на эту тему.

— Господин Викери, боюсь, что выбора нет. Убийца на свободе, дети в опасности. Люди должны об этом знать.

Эти громкие слова, полные праведного гнева, я заготовила в машине, по пути сюда.

— А вам-то что? Это наши дети и наши проблемы. — Он встал, снова сел и переложил бумаги на столе. — Смею заметить, никто из Чикаго еще ни разу не интересовался детьми Уинд-Гапа. — Его голос дрогнул.

Викери затянулся сигаретой, покрутил толстое розоватое золотое кольцо на пальце и часто заморгал. Мне вдруг показалось, что он вот-вот заплачет.

— Вы правы. Возможно, раньше никто. Послушайте, мы ведь не будем спекулировать горем. Нужно просто

предупредить людей об опасности. Если вам станет от этого легче, я из Уинд-Гапа.

«Ну что же, Карри! Посмотрим, сработает ли ваша задумка».

Он взгляделся мне в лицо.

— Как ваша фамилия?

— Прикер. Камилла Прикер.

— А почему я вас не знаю?

— Никогда не попадала в полицию, сэр. — Я слабо улыбнулась.

— У родителей та же фамилия?

— Моя мама вышла замуж и сменила фамилию двадцать пять лет назад. Адора и Алан Креллин.

— Их я знаю.

Немудрено: их знают все. Не так уж много в Уинд-Гапе богатых — действительно богатых.

— И все-таки я не хочу, чтобы вы о нас писали, мисс Прикер. Вы представляете, что за... дурная слава о нас пойдет после вашей статьи?

— А может, это станет как раз полезной рекламой, — предположила я. — Такое бывало.

Викери секунду сидел молча, задумчиво созерцая смятый бумажный пакет с обедом, задвинутый в угол стола. Судя по запаху, там должна быть болонская колбаса. Потом что-то пробормотал про Джонбенет¹ и «всякое дерьмо».

— Спасибо, нет, мисс Прикер. Я не буду об этом говорить. Тайна следствия разглашению не подлежит. Так и напишите, если хотите.

¹ *Рэмси, Джонбенет* — победительница детских конкурсов красоты в США, убитая в возрасте шести лет. Странное имя получилось из слияния первого и второго имен ее отца, Джона Беннета Рэмси.

— Послушайте, я имею право задавать вам вопросы. Давайте договоримся: вы мне что-нибудь расскажете, хоть что-нибудь, и я на некоторое время оставлю вас в покое. Не хочу мешать вам работать. Но ведь и я пришла сюда не из праздного любопытства! — Эту фразу я тоже отрепетировала заранее, находясь где-то в окрестностях Сент-Луиса.

Я вышла из полицейского участка с фотокопией карты Уинд-Гапа, на которой начальник полиции Викери отметил крестиком то место, где в прошлом году было обнаружено тело убитой девочки.

Энн Нэш, девять лет, найдена двадцать седьмого августа в реке Фолз, бурливой речушке с бугристым дном, которая течет по Северному лесу. Двадцать шестого августа, в тот день, когда она пропала, поисковая группа с наступлением ночи прочесала лес. Но девочку нашли охотники, в шестом часу утра. Ее задушили около полуночи простой бельевой веревкой, дважды обмотанной вокруг шеи. Потом бросили в реку, обмелевшую после долгой летней засухи. Вережка зацепилась за большой камень, и труп всю ночь плывал по медленному течению. Энн Нэш хоронили в закрытом гробу. Это все, что Викери мне рассказал. Чтобы выудить из него эту малость, я целый час задавала ему вопросы.

Я зашла в библиотеку и с платного телефона набрала номер, указанный в объявлении. Голос пожилой женщины в трубке сообщил, что я позвонила на «горячую линию по розыску Натали Кин», хотя на заднем плане слышался гул посудомоечной машины. Женщина сказала, что, насколько ей известно, поиски девочки в Северном лесу еще продолжаются. Все желающие присоединиться к поиско-

вой группе должны подойти к месту сбора на подъездной дороге и принести с собой воды — погода будет очень жаркой.

В назначенном месте, на солнечной поляне, я увидела четырех белокурых девочек. Они сидели на полотенцах, словно пришли позагорать, но в их позах чувствовалось напряжение. Они указали мне тропинку и велели идти по ней до тех пор, пока не догоню поисковую группу.

— Зачем вы сюда пришли? — спросила самая хорошенькая девочка.

Ее покрасневшее от солнца лицо было по-детски припухлым, волосы убраны в два хвоста и в них вплетены банты, но у нее была грудь взрослой женщины — удачливой женщины, — и она с гордостью выставляла ее вперед. Девочка улыбнулась мне как старой знакомой, хотя этого быть не могло: когда я была в Уинд-Гале в последний раз, она еще и в школу не ходила. Впрочем, ее лицо мне тоже показалось знакомым. Ну что же, может, это дочь кого-то из моих одноклассников. Допустим, кто-то женился сразу же после окончания школы. Не исключено.

— Хочу помочь волонтерам, — ответила я.

— Ясно, — сказала она с усмешкой и стала отковыривать лак на пальчиках ног, потеряв ко мне интерес.

Я пошла по дороге, усеянной горячим гравием, поскрипывающим под ногами, потом свернула в лес, где было еще жарче. Воздух был влажным, как в джунглях. Ноги путались в ветках золотарника и дикого сумаха, а летающий повсюду тополиный пух набивался в рот и прилипал к рукам. Мне вдруг вспомнилось, что в детстве мы называли его волшебными перышками.

Вдали слышались голоса; их нестройный хор на все лады выкрикивал имя Натали. Я ускорила шаг и через

десять минут увидела волонтеров — их было человек сорок, они шли, растянувшись в цепочки, раздвигая палками кусты перед собой.

— Добрый день! Что нового? — окликнул меня мужчина с большим пивным брюхом, заметив меня первым. Я свернула с тропинки и подошла к нему, продираясь сквозь деревья.

— Чем могу помочь? — спросила я, поборов желание немедленно достать блокнот.

— А просто идите рядом, — предложил он. — Лишний человек не мешает. Тем быстрее обойдем лес.

Несколько минут мы шли молча. Мой попутчик то и дело останавливался, заходясь тяжелым мокрым кашлем.

— Иногда я думаю, что этот лес надо сжечь, — вдруг заявил он. — В нем только беды происходят. Вы друг семьи Кин?

— По правде говоря, я репортер «Чикаго дейли пост».

— Ах вот что... Пишете статью?

Внезапно сквозь лесную чащу прорвался вопль. «Натали!» — надрывался девичий голос. Мы бросились на крик; мои ладони покрылись испариной. Нам навстречу выскочило несколько темных силуэтов. Мимо пробежала светловолосая девочка-подросток с красным заплаканным лицом. Спотыкаясь как пьяная, она добрела до дороги, не переставая звать Натали, откинув голову назад, словно искала ее на небесах. За девочкой пошел пожилой мужчина. Поравнявшись с ней, он приобнял ее за плечи и повел из леса. Видимо, отец.

— Натали нашли? — спросил мой попутчик.

Все покачали головами.

— Бедняжка, наверное, просто испугалась, — сказал другой мужчина. — Нервы сдали. Девочкам вообще лучше в лес сейчас не ходить.

Он многозначительно посмотрел на меня, потом снял бейсболку, вытер лицо платком и снова стал ощупывать палкой траву.

— Печальный труд, — сказал мой попутчик. — Печальное время.

Мы медленно продолжали путь. Я оттолкнула ногой ржавую пивную банку, потом еще одну. На уровне глаз пролетела птица и взмыла к верхушкам деревьев. Вдруг мне на запястье прыгнул кузнечик.

«Этот страшный лес словно заколдован», — подумалось мне.

— Не возражаете, если я спрошу, что вы думаете по поводу случившегося? — Я достала блокнот и помахала им у него перед глазами.

— Сомневаюсь, что смогу вам рассказать что-то новое.

— Просто выскажите свои предположения. Пропали две девочки — здесь, в маленьком городке...

— Ну, не факт, что эти случаи связаны между собой. Если только вы не знаете что-то, чего не знаю я. Мы надеемся найти девочку целой и невредимой. Еще и двух дней не прошло.

— Кто, по вашему мнению, убил Энн? — спросила я.

— Видимо, какой-то псих, ненормальный. Шел по городу, забыл принять таблетки, стали чудиться голоса.

— Почему вы так думаете?

Он остановился, достал из заднего кармана пачку жевательного табака, засунул за щеку большую щепотку и принялся долго жевать, до тех пор, пока не смог говорить. У меня даже скулы свело от сочувствия.

— Разве нормальный станет выдергивать зубы изо рта мертвого ребенка?

— Он вытащил у нее зубы?

— Все, кроме куска молочного коренного, самого дальнего.

Через час, не узнав больше ничего нового, я попрощалась со своим попутчиком, Рональдом Кэмензом («Только напишите мой средний инициал Дж.», — попросил он), и пошла в южном направлении, к тому месту, где в прошлом году было найдено тело Энн. Крики «Натали!» стихли минут через пятнадцать, а еще через десять слышалось звонкое журчание — я приближалась к реке Фолз.

Трудно было бы нести ребенка через эту чащу. Свободной дороги нет, кругом ветки и листва, из земли торчат корни. Если Энн была типичной уиндгапчанкой, уроженкой города, где в цене женственность, то, скорее всего, она носила длинные распущенные волосы, которые путались бы в кустах. Мне даже привиделись блестящие пряди на ветках, но оказалось, что это паутина.

В том месте, где был найден труп, трава была еще примята — ее прочесывали граблями в поисках улик. На земле валялись несколько свежих окурков, брошенных любопытными бездельниками. Представляю, как подростки со скуки пугали друг друга, изображая маньяка с пригоршней окровавленных зубов.

Раньше на дне реки были камни — за них зацепилась веревка, которой удушили Энн, из-за чего девочка полночи плавала привязанной, как буюк. Теперь сквозь прозрачную воду виднелось лишь гладкое песчаное дно. Рональд Дж. Кэменз с гордостью рассказал, что камни вытащили местные жители, погрузили в пикап, вывезли за город

и там раздробили. Таким образом дали волю отчаянию, выплеснули гнев, надеясь изгнать из города зло. По-видимому, безрезультатно.

Я села на берег, провела ладонями по каменистой почве. Взяла гладкий, горячий камень и прижала к щеке. Интересно, приходила ли сюда Энн при жизни? Может, нынешние дети Уинд-Гапа коротают летние дни иначе, чем мы. Мы в детстве купались в низовье реки, в мелководном заливе среди огромных плоских камней. Там водились раки, и мы с визгом подскакивали всякий раз, когда задевали их ногой. Ни купальников, ни плавок не носили — слишком много возни. Помню, как ехала домой на велосипеде в мокрых шортах и майке, трясая головой, как промокшая собака.

Иногда мальчики постарше, вооружившись дробовиком и прихватив украденного пива, уходили в чащу леса пострелять белок-летяг или зайцев. Потом они возвращались с добычей: с их ремней свисали истекающие кровью тушки. Эти дерзкие мальчишки, пахнущие пивом и потом, нарочито не обращали на нас внимания и возбуждали во мне жгучее любопытство. Теперь я знаю, что охотники бывают разными. Есть, например, охотники-джентльмены, вдохновленные примером Тедди Рузвельта¹, которые, отработав в поле, идут на крупную дичь, взяв с собой холодную бутылку джина с тоником, — но мое детство прошло не с такими. Знакомые мне мальчики начали охотиться рано и привыкли получать удовольствие от вида крови. Они, затаив дыхание, наблюдали, как подстреленный зверь содрогается в предсмертных конвульсиях, потом как подкошенный падает на бок.

¹ *Теодор Рузвельт* — президент США в 1901–1909 гг., славился своей страстью к охоте.

Когда я училась в школе, может лет в двенадцать, я забрела в охотничью хижину соседского мальчишки, дощатый сарай, где юный охотник разделывал туши и сдирал с них шкуры. На веревках висели клочья сырого розового мяса — вялились. Грязный пол заляпан кровью. Стены увешаны фотографиями обнаженных женщин: некоторые были просто распластаны, другие были сняты в момент соития. Одна женщина связана, взгляд у нее стеклянный. Груды, раскинутые в стороны, — со вздутыми венами. Мужчина берет эту женщину сзади. Мне стало казаться, что в спертом воздухе кровавого сарая витает их запах.

Я вернулась домой с гадким чувством. Ночью, лежа в постели, просунула палец под трусики и, тяжело дыша, впервые в жизни занялась мастурбацией.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТРЫЕ ПРЕДМЕТЫ. Роман

Перевод И. Егоровой 5

КТО-ТО ВЗРОСЛЫЙ. Повесть

Перевод А. Килановой 337

Флинн Г.

Ф 72 Острые предметы : роман ; Кто-то взрослый : повесть / Гиллиан Флинн ; пер. с англ. И. Егоровой, А. Килановой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-14109-4

Камилла Паркер, не особо удачливый репортер одной из не особо успешных газет Чикаго, мечтает о блестящей карьере. И вот девушке выпадает счастливый шанс, способный резко повысить ее журналистский статус, — Камиллу посылают корреспондентом в маленький городок, где жертвой маньяка стали несколько малолетних девочек. Ее задача выдать читателям сенсационное сообщение с места событий. Дело в том, что Камилла в этом городе родилась и выросла, а потому кому, как не ей, легче других найти общий язык с жителями и выяснить нюансы расследования. Но погружение в страшную реальность провинциальной жизни оборачивается для нее цепью кошмаров, достойных кисти Иеронима Босха...

Кроме романа «Острые предметы», в книгу вошла повесть «Кто-то взрослый», представленная в новом переводе.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГИЛЛИАН ФЛИНН
ОСТРЫЕ ПРЕДМЕТЫ
КТО-ТО ВЗРОСЛЫЙ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Валентина Гончар, Лариса Ершова,
Мargarита Ахметова, Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.07.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 16,92. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

H-MBD-22323-04-R